

Моя Италия

Б.Ф. Егоров
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

1

Начиналось очень плохо. Итало-абиссинская война 1935 года, первая война, за ходом которой пристрастно и взволнованно следил 9-летний политизированный мальчик, нанесла серьезные душевные раны: как это несправедливо, что итальянский фашизм победил! Последующая испанская гражданская война и, конечно, первые годы Великой Отечественной наносили куда более страшные удары в душу, но абиссинская была первая, потому очень болезненная в восприятии.

А затем произошел откат. Неумолимо стала расти любовь ко всему итальянскому. Мы увидели обильные антигитлеровские настроения в итальянском народе, завершившиеся восстанием против фашизма. По всему миру прокатился колоссальный успех послевоенного неореалистического кино. А для нас, молодых гуманитариев, раскрывался тогда великий художественный мир Италии от Данте до Верди.

У меня еще появилось персональное окно. Очень рано я стал заниматься Аполлоном Григорьевым, а можно ли им заниматься, не оглядываясь постоянно на огромной силы любовь к Италии? Образы Флоренции, картина Мурильо, Сальвини-Отелло пропитывали и мою душу. И очень было отраднo узнавать, что некоторые коллеги сделали своей главной задачей – раскрывать связи русских писателей с итальянской культурой. Именно тогда я по-настоящему оценил метод и способности Нины Елисеевны Меднис (вечная ей память!).

Конечно же, очень хотелось самому побывать в итальянских городах, увидеть григорьевские объекты, но мне как «невыездному» (считался антисоветчиком!) путь был закрыт.

© Б.Ф. Егоров

Лишь в послесоветское время, в 1994 году я имел счастье быть приглашенным коллегами из Тартуского университета и университета Бергамо принять участие в конференции, посвященной наследию Ю.М. Лотмана (к годовщине со дня его смерти) и осуществить это приглашение. Удалось выкроить два дня до конференции и день после, чтобы хотя бы бегло осмотреть часть Италии: Милан, Венеция, Болонья – и григорьевская Флоренция.

Очень мечталось добраться еще и до Рима с Неаполем, но пришлось ждать 16 лет! Международное общество Достоевского, основанное в 1971 году, уже много лет организует раз в три года симпозиумы специалистов по творчеству Достоевского (в разных городах мира). 12-й был в 2004 году в Женеве, 13-й – в 2007 в Будапеште, 14-й – в 2010 в Неаполе (13–20 июня). Я являюсь членом общества, участвовал в женевском собрании, и, естественно, очень захотелось поехать в Неаполь. Тема моего доклада была одобрена Оргкомитетом, я получил приглашение и радостно прибыл в Неаполь.

Но радости предшествовали огорчения. В итальянском МИДе (как впрочем и во французском) еще сохранились отвратительные бюрократические порядки, в анкете на получение визы больше десятка совсем глупых пунктов, например, нужно приложить целых две справки с места работы: мало им справки о должности, нужна еще из бухгалтерии о зарплате. Но совсем меня доконала графа, где требовали приложить ксерокопию двух страниц паспорта человека, приглашающего приехать. Стыдно, но пришлось просить Стефано Алоэ, секретаря Оргкомитета о присылке таких копий! Он тут же прислал (а потом я узнал, что этот пункт не относится к приглашенным на научные мероприятия: копия паспорта нужна лишь, когда приглашают частные лица).

На копии паспорта я совершенно взъерился и закончил собирать справки, решив обратиться к уже прежде испытанному способу. Финляндия, привлекая туристов и торговцев, необычайно упростила выдачу виз: нужен только заграничный паспорт (и фотокарточка). А Финляндия входит в Шенгенскую зону, т.е. виза дает возможность беспрепятственно ездить почти по всей Европе. Ради вежливости надо вначале хоть на денек съездить в Финляндию, что я, разумеется, и сделал. Из Питера это нетрудно, а в приграничных финских магазинах много всего вкусного и недорогого.

Шенгенские преимущества сейчас очень широко используются. Румынские власти много лет агитировали молдаван становиться румынами, т.е. получать румынские паспорта. А теперь это очень упростилось: молдаван привлекают шенгенские возможности румынского паспорта. Особенно это важно для молодежи, тяжело переживающей массовую безработицу. Никогда не забуду случайный разговор на вокзале в Бонне с двумя молдаванами: они без всяких виз и паспортов пробирались в Бельгию, где их ждал рабский труд – но труд оплачиваемый! И как было трудно пересекать границы: рассказывали, что сутки под дождем пролежали, зарыв друг друга в каменный уголь, на открытой платформе на чешско-германской границе. А теперь с шенгенскими паспортами могут свободно разъезжать. Но Молдавия-то от нас, увы, уплывет!

Итак, благодаря финнам, я спокойно мог разъезжать по западноевропейским странам. Самолетная пересадка у меня была в Мюнхене, там я въезжал в Шенгенскую зону (летел из Чикаго), получил штамп в паспорт, и дальнейший полет в Неаполь уже никого не касался, я был очень удивлен, прилетев в

Неаполь, что нет паспортного контроля. Получил на багажной карусели чемодан, вышел из аэропорта и тут же попал в компанию таксистов. До площади Гарибальди, где не только величественный памятник итальянскому кумиру, но и скромная гостиница «Идеал», – 25 евро (так мне и сказали раньше). «Идеал» мне нашла дочка, великий специалист по Интернету: требовала дешевизну и центр города, и так и оказалось: площадь Гарибальди почти в центре, у железнодорожного вокзала (заранее мечтал съездить в Рим), и цена номера 34 евро. Коллеги в других гостиницах платили от 40 до 50.

Номер – живопырочка, метров пять квадратных (да чуть побольше – туалет с душем: не лучше ли наоборот?). Телевизор, который мне абсолютно не нужен, и отсутствие очень нужного холодильника (опять же, лучше бы наоборот!). Приходилось покупать в окрестных магазинчиках ледяную минералку и быстро ее ликвидировать. Кстати, самый симпатичный мне на площади продуктовый магазин – «Интернационал» (!) – польско-украинский, с замечательными творами и ряженкой.

Одна из дежурных в рецепции «Идеала» – брат (сестра?) по классу: кончила португальское отделение университета и вот, при безработице, вынуждена сидеть у стойки. Она много мне помогала, разясняя про маршруты автобусов, подарила подробную карту Неаполя (изъяснялись на смеси английского и итальянского).

Ввалившись в номер на втором (по-нашему!) этаже (а тяжелый чемодан приволок служащий; лифтов у них, увы, нет), я очень скоро завалился спать, побеждая бессонную ночь перелета и жуткую разницу в 7 часов по сравнению с поясом Чикаго.

Было душно, а я, усталый, решил, что дешевая гостиница лишена кондиционеров. Утром ахнул: над дверью – кондиционер! Но выключатель-включатель не работал. Оказалось – сломано! Пообещали починить. Сутки чинили, чтоб им туда-сюда! На второе утро наступила райская жизнь. Непонятно однако, как же до меня функционировал номер со сломанным охладителем?!

Первым утром в кафе (как обычно в гостиницах, завтраки входят в оплату) встретил коллег: Бориса Тихомирова, зам. директора Музея Достоевского в Питере, и Диму Достоевского, пра-пра-правнука, который, молодец, в один день потом съездил за несколько сот километров от Неаполя в город Бари, поклониться мощам Святого Николая Мирликийского, и, совсем не молодец, мысленно спутал час отлета самолета из Рима на родину, опоздал и потом с великим трудом втиснулся, заплатив круглую сумму, в следующий самолет, на котором улетала основная масса русских участников. И еще два японца: Киносита и не знакомый мне. Шведский стол был относительно разнообразен и сытен, спасибо! Прежде всего – мое любимое утреннее блюдо – овсяные хлопья, заливаемые молоком. Кофе, конечно, по-западному варится – чуть больше столовой ложки, но крепчайшее. А я еще вчера освоил в номере мою любимую гжалку (привык к польскому имени), т.е. кипятильничек. Отрадно, в Италии розетки и вилки наши, круглые, а не плоские. Так что «дома» еще кружка нашего кофе.

На первый раз – нас пять человек – заказываем большое такси. До дворца Ду Месниль – 16 евро. То есть по трешнице на брата. А потом уже я стал пользоваться автобусами. Симпозиум длился пять дней и был размещен в трех

дворцах, которые принадлежат двум учреждениям: Palazzo Du Mesnil, Palazzo Santa Maria Porta Coeli (Università degli Studi di Napoli L'Orientale), Palazzo Serra di Cassano (Istituto /sic! без "n"/ Italiano per gli Studi Filosofici).

Поразило не только великолепие дворцов (этих и других неаполитанских), но и бережное их сохранение. Неаполь и в давние столетия, и особенно в XIX веке оказывался в центре мятежей и войн. Подробный рассказ в словаре Брокгауза-Ефрона о новейшей истории города и примыкавшей к нему Сицилии несколько раз включал фразу о «восстании разнузданной черни» – автор статьи явно не жалуется чернь. Но ведь неизбежно стоят дворцы с их лепниной, скульптурами, милыми двориками... Эх, нашей черни им не хватало! А ведь было что разнузданно рушить: молодежь из тех прекрасных дворцов, как правило, уходила в ряды антинародных армий и не гладила мятежников по головке, но и сама попадала под революционные трибуналы и гибла, так что можно было взаимно наращивать злобу и месть. Но как-то не видно материальных воплощений этих битв и этой ненависти...

Открылась конференция во дворце Ду Месниль, на самом берегу Неаполитанского залива. У зала заседания – балконы, настееж открыты двери. На балконе стоишь – как на улице. Всего второй этаж. Внизу – узкая асфальтовая дорога, потом камни спуска, узкий пляжик – и, рукой подать, плещутся морские волны... Если сильно размахнуться, то можно докинуть до воды мобильник или тарелку. А над полукруглым заливом – гора, город Неаполь, дома, дома, один над другим, теснятся, забираются до самой вершины. Так бы и простоял на балконе несколько часов, наслаждаясь сплавом природы и цивилизации. Но надо слушать доклады, вернемся в зал.

Зал полон. Основная часть, мне казалось, – москвичи и питерцы. Но много и из-за рубежа: Р. Белнап, Витторио и Клара Страда, В. Щукин, А. де Лазари, Н. Перлина, японцы. Немало и итальянской молодежи. Самое интересное из первого дня – доклад К.А. Степаняна. Доказывал, что Достоевский оказался проповедником Софии. Вместо вопроса потом взорвалась критикой В.Е. Ветловская: дескать, в православии утверждается Троиединство Божие, а София – ересь! Эта ересь идет уже к XX веку, к С. Булгакову. Степанян, отвечая, наоборот, повернул эту тему вспять, к началу XIX века, к Гете, к немецкому романтизму.

Я очень скоро устал, мои провалы во времени стали сказываться: сплю на ходу. Не помогли на кофейном перерыве чашечки крепкого кофе. Покинул симпозиум. За углом, как мне и разъяснила симпатичная дежурная в «Идеале», – мой автобус. Но не спросил я: а как у них платить? Рядом со мной явно ждут автобуса две девушки с узкими глазами. Сочиняю мысленно фразу-вопрос, и вдруг девы начали переговариваться на чистейшем русском языке. Господи, как просто! Девушки – киргизки, убежали от своей разнузданной черни. Уже нашли работу в Неаполе. А билеты надо заранее покупать на остановках в газетных киосках и табачных лавках, а в автобусе их компостировать. Билет стоит «рупь-десять», т.е. одно евро и десять центов.

Два дворца, где проходят заседания, расположены далеко от гостиницы, надо пользоваться автобусом, а одно из зданий университета «L'Orientale» – на Via Duomo, рядом с собором (архитектурно он мало интересен), этот путь я проделывал пешком – минут 15 ходу. Зато насмотрелся на неаполитанские

улочки. Большинство из них чрезвычайно узки, метра полтора шириной. Если здесь нужно ехать автомашине, то пешеходам приходится вжиматься в стены или пользоваться обильными нишами или крыльцами, утопленными тоже как ниши. Но машин очень мало, полно мопедов и мотоциклов, владельцы бравно носятся по тем узким улочкам, не задевая прохожих и местных граждан, которые, если не работают на стороне, то целый день подпирают двери подъездов. А на тротуарах улиц чуть пошире раскладывают прямо на асфальте свои товары самых различных жанров. Приходится лавировать, почти перешагивая через овощи или безделушки.

А какая невообразимая мусорная грязь в Неаполе! Горы мешков с мусором. Горы картона, бумаги, ящиков, бутылок. Улицы просто завалены отбросами. Говорят, что мафиози по каким-то статьям не договорились с мэрией и мстят очень плохой уборкой мусора. В Риме несравненно чище, а в Бари, как сказал Д. Достоевский, – вообще идеальная чистота на улицах. Похоже, и сейчас мафия продолжает царствовать на Апеннингах. Задолго до приезда я сплошь слышал предупреждения: будьте осторожны! воровство неслыханно распространено в Италии! И в самом деле: у коллеги С.Г. Исакова в центре Рима налетевшая стайка подростков утянула бумажник с паспортом, деньгами, самолетными билетами. У коллеги В.Н. Соифера в Неаполе в секунду украли фотоаппарат. И так далее. Поэтому когда мне пришлось на последнюю ночь в Неаполе оставить в камере хранения «Идеала» свой чемодан, и камера была забита чужими вещами, а никакого ключа в двери не было, то я немного побаивался – ведь рядом вокзал и т.д. Но меня утешили: якобы гостиницы, расположенные около вокзала, платят дань мафии, и там нет никакого воровства. По крайней мере, у меня иголки не украли.

Что еще раздражает в Неаполе – город сплошь перерыт! Редкая улица свободна от глубоких ям и железных конструкций. Проводят метро! Громадная площадь Гарибальди вся перерыта вверх дном, почти во все дома можно попасть лишь пешком. Приезжающие и уезжающие из «Идеала» имеют дело с автомашинами лишь метрах в двадцати от входа. Конечно, когда-нибудь метро сделают, да будет тогда удобно неаполитанцам!

Чрезвычайно огорчительной оказалась сильная жара. Термометр перевалил за 30, и при очень влажном воздухе было невыносимо находиться долго на улице. Поэтому я с великим сожалением отказался от экскурсий, от Помпеи, от замысла на целый день съездить в Рим. Ладно! Посвятим себя науке, кондиционерным дворцовым залам, куда добирались автобусами, тоже оснащенными кондиционерами.

Во второй день заседаний, 15 июня, замечен был доклад В.К. Кантора о Достоевском-философе. Доклад соответствовал заявленной программе симпозиума: «Философское мышление. Взгляд писателя». Но все-таки не осталось в памяти чего-то яркого, оригинального, что врезало бы новые черты в наше понимание великого литератора.

Толстовский юбилейный год (ведь 100 лет его кончины!) не мог не отразиться на докладах. Конечно, грандиозная тема «Достоевский и Толстой» требует специального симпозиума или хотя бы семинара. И.Л. Волгин, осмелившийся выступить с докладом на эту общую тему, разбил выступление на две

части, на два дня, и все равно в процессе повествования возникли изрядные белые пятна, вопросы, сомненья.

Л.И. Сараскина предложила не научный, а публицистический доклад. Страстно доказывала, что современная нам культура античеловечна. Она не знает Бога. В завершение докладчица не менее страстно призвала решительно бороться со всеми такими чертами и тенденциями. Но, увы, никаких конкретных способов борьбы не предложила. А античеловеческие черты в современной культуре (антикультуре?) большинство из нас чувствует.

Потом я пошел в другую секцию, послушать доклад Стефано Алоэ, заявленный на русском языке. Очень хорошее впечатление. Чистый русский язык, причём докладчик обходился без всякого письменного текста на попигре, без всяких шпаргалок. И содержание весьма перспективное. Стефано Алоэ обнаружил влияние «Агасфера» Кюхельбекера на легенду Ивана о Великом Инквизиторе.

16 июня я начал с секции, где председательствовал В.Е. Багно и где он сам прочитал доклад «“Русская идея” России. “Русская идея” Запада», уже изданный в виде университетской брошюры (учебное пособие) под тем же названием (СПб., 2008). Для меня особенно интересной была вторая часть, с характеристиками почти или совсем не известных трудов западных интеллектуалов о России. Забавно, что некоторые западноевропейские мыслители совсем почти в духе крайних славянофилов утверждали, что Запад гниет и разлагается...

Другой ценный доклад на русско-национальную тему был у Анджея де Лазари. Рассматривая хорошо ему знакомый материал о почвенничестве и доводя проблемы до нашей современности, докладчик уверял, что доживи Достоевский до XXI века, он говорил бы не о народности, а об идентичности. Оставим Достоевскому самому решать терминологические определения, но, конечно, очень важно изучать модную ныне идентичность в свете эволюции XIX-вечных понятий.

К сожалению, из-за одновременности работы трех секций (вот где задуматься над проблемой идентичности!) я опоздал на важный для меня доклад Н.Т. Ашимбаевой «Достоевский и Бухарев». Наследие о. Феодора (Бухарева) – моя давняя тема, но я попал лишь к ответам на вопросы. Ладно, прочтем потом в бумажном тексте.

После кофейного перерыва я выбрал секцию с тремя докладами на русском языке (в других секциях были, вперемешку с русским, итальянский и английский) – и очень был рад случайному выбору: эта тройка как творческая целостность показалась мне самой интересной.

А.П. Власкин (Магнитогорск) посвятил доклад аксиологии у Достоевского и терминологическим уточнениям. Особенно значительны у него получились две антиномии: ценность и оценка; норма и ценность. А.А. Данилевский (Таллинн) анти-бахтински (и справедливо) доказывал полифонизм в прозе не только Достоевского, но и Чехова. Кроме того, он интересно рассмотрел в достоевском ореоле великую «Зависть» Ю. Олеси. Аркадий Неминуший (Даугавпилс) подробно говорил о невербальных аспектах «Преступления и наказания», о звуках и музыке. Как это трое талантливых исследователей соединились в один час в одной секции? Так же случайно, как и я пришел?

17-го июня и я дождался очереди. Меня тоже поставили руководителем 2-й секции с тремя докладчиками: Е.Г. Новикова (Томск), Б.Ф. Егоров, Елена Логиновская (Бухарест). Е.Г. Новикова стремилась разрешить самый сложный историко-психологический вопрос, всю жизнь занимавший Достоевского: считал ли он себя преступником? Непростой ответ она искала, анализируя все основные произведения писателя. Получалось, что как князь Мышкин: и виноват, и нет. Мой доклад назывался длинно: «Структурные антиномии (бинариусы) и триады в творчестве Достоевского в свете таких структур у Ю. Лотмана». Удалось привлечь к триадам Достоевского и Лотмана различные философско-религиозные концепции, особенно варианты представлений о триедином христианском Боге, вплоть до апокрифических легенд, где Святой Дух выступает третьим (не лишним!), помогающим мужчине и женщине при созревании и рождении ребенка (см. пересказ древнего мидраша в романе Л. Улицкой «Даниэль Штайн, переводчик»). Елена Логиновская посвятила доклад художественной практике Мирче Элиаде, которую ученый вводил в свой теоретический мир поэтики, используя, главным образом, творчество Достоевского, попутно глубоко раскрывая художественные приемы великого писателя.

А в первой секции я попал на интересный теоретический доклад К.А. Баршта о трех формах познания в творчестве Достоевского: религиозная, научная, эстетическая – и о важности изучения их в совокупности. Вместо вопроса, с резкой критикой на докладчика обрушился В.Н. Захаров, увидевший у него метод марксизма-ленинизма, т.е. призыв к единственно правильной точке зрения (хотя, кажется, Баршт не призывал к такому жесткому монолизму). В свою очередь, выступление Захарова вызвало негодование Л.И. Сараскиной, которая именно у него увидела зов к единственной точке зрения, а необходимо, дескать, быть толерантным и уважать другую точку зрения. Полемика угасла, но она свидетельствует о вулканических страстях в душах некоторых участников; магма в любой момент может выплеснуться наружу.

Многое ожидалось от выставки «Странствия Достоевского по Европе», заранее основательно подготовленной сотрудниками Музея Достоевского в Петербурге, литературоведом В.С. Бирон и художником И.В. Князевым. Для каждого города был создан особый стенд с хорошими иллюстрациями и объяснительным текстом. С помощью сотрудницы университета «Ль-Ориентале» Лючии Тонини стенды были размещены в большом коридоре университета, наметили день и час открытия выставки. Но, видимо, не было широкого оповещения: почти не было студентов, отсутствовала пресса, все открытие заключилось в нескольких официальных словах. Единственное утешение: студенты могут смотреть выставку и вне торжества открытия.

Во время обеденного перерыва 17-го как бы с неба свалилось потрясающее сообщение. Я, как выше заметил, уже отказался было от Рима. И вдруг... Давний знакомый, бывший сотрудник Пушкинского Дома в Петербурге, а ныне один из руководителей Фонда Вячеслава Иванова в Риме Андрей Шишкин, зная о моем желании взглянуть на мировую столицу и оказавшись в Неаполе, предложил изумительную авантюру: поехать с ним вечером 18-го, переночевать в Риме, вечером и утром успеть посмотреть город – и днем 19-го вернуться в Неаполь! Самолет у меня из Неаполя (в Питер через Мюнхен) вылетал 19-

го в 17 часов, т.е. я должен был вернуться за чемоданом в гостиницу «Идеал» никак не позже 14 часов (как обидно, что вылетал я из Неаполя, а не из Рима!). Конечно, я ни секунды не колебался, сразу согласился. Горели, увы, доклады последнего дня заседания 18 июня, горел торжественный ужин в тот последний вечер, где, оказывается, Стефано Алоэ замечательно пел под гитару русские народные песни и романсы, в том числе и «Две гитары» Ап. Григорьева... Но я все время повторял, перефразируя известную фразу Генриха IV («Париж стоит мессы»): «Рим стоит ужина».

Почти весь день 18-го ушел у меня на сборы: что поедет в чемодане, что в сумке через плечо, что из вещей надо взять для Рима, что приготовить из еды-питья... Около 6 часов вечера – запыхавшийся Андрей. Я уже сдал номер и жду у входа. До поезда в 18.00 остается 10 минут. Слава Богу, мы рядом с вокзалом. Очереди в кассах. Но Андрей умеет колдовать с автоматами, билеты на руках, за минуту до отправления мы на перроне. Скоростные поезда мчатся через всю Италию, сквозь горы и поля, от Неаполя до Милана. Первая остановка – Рим, всего 70 минут, а ведь расстояние – более 200 километров! Удобно. Хотя лупят немалую сумму – 44 евро. Оно и стоит.

На римском вокзале – в начале восьмого. Такси для скорости. Квартира сына великого поэта, журналиста Дмитрия Вячеславовича Иванова (недавно, увы, скончался). Его секретарем много лет работал Андрей Шишкин. А перед смертью Д.В. Иванов подарил семье Шишкиных свою квартиру! И это не просто хорошая римская квартира, в ней хранится весь рукописный архив поэта, который сейчас разрабатывает Андрей. А совсем рядом (показывали) – дом, где много лет жил сам Вячеслав Иванов.

Жена Андрея, Маша Плюханова, – тоже моя давняя знакомая, почти ученица, бывшая студентка Ю.М. Лотмана, окончила Тартуский университет. Я был очень тронут: ради моего приезда Маша не поехала на дачу.

Наскоро пьем кофе – и скорее на улицу, пока еще не село солнце. У Шишкиных – выдавший виды старенький Фольксваген, с задним сидением, но лишь с двумя передними дверьми. До чего я люблю старые вещи! Кондиционера нет, но к вечеру – легкое похолодание, не так тяжело. Живут Шишкины в основной части Рима, восточной. Вначале мы поехали к скверу над Тибром (высокий-высокий берег!), расположенному точно визави к западному Ватикану, собору Св. Петра. Поразительно удачно оказалось время (недаром толпы народа наблюдали): солнце садилось как раз за собор и создавало ему изумительный силуэт. Потом мы сразу – через Тибр, к Ватикану, где на кручах сделаны смотровые площадки. Солнце почти уже село, но вся восточная панорама города еще была им освещена. Панорама потрясающая. Как на картине, Шишкины показывают мне монастыри, церкви, соборы, учебные и научные заведения. Оказывается, в Риме очень много национальных академий: с библиотеками, с институтами и научными коллективами. Хороша представительная французская академия. И даже есть финская! Но – душу захлестнуло! – никогда не было русской. За что?! Почему?! Это при нашей-то итальянистике!!

Очень много денег в науку вкладывает Ватикан, используя немалые спонсорские вливания (Ватикан не ворует, поэтому богачи не боятся давать

деньги). На несколько кварталов протянулась прославленная детская поликлиника Ватикана (государственных в Италии нет).

Въезжаем в Ватикан. Странно переходить границу государства без всяких военных контролеров. Мысленно я представлял собор Св. Петра грандиозным сооружением, а он – не очень, где-то между Исаакием и Казанским собором в Питере. Возможно, внутри и грандиозен. Но чтобы попасть в него, надо минут 40 отстоять в очереди: как в аэропорту, опасаясь террористов, всех тщательно проверяют.

В 9 часов вечера, когда уже были густые сумерки, перед входом в собор некий кардинал с небольшим хором и оркестром отслужил мессу в честь нынешнего папы. И при первых звуках в большом папском дворце справа от собора зажегся свет в двух окнах – говорят, это кабинет папы, он дает знать, что пришел слушать мессу.

Проехались по центру. Великолепная подсветка хорошо показала Колизей и другие античные памятники. А на центральном холме сверкал громадный беломраморный дворец, построенный королем Виктором-Эммануилом на восточной стороне как светский противовес Ватикану. Там сейчас музеи.

После 11 часов вечера – дома. Шишкины-дети (Катя, 17 лет, и Петя, 14) еще погружены в свои вечерние (главным образом, компьютерные) дела, а старшее поколение – спать, спать. Встали мы около 7 часов. Легкий завтрак, и Андрей везет меня в центр. Оставляем машину в какой-то улочке и отправляемся на многочасовую прогулку. Главный объект – Пантеон. Конечно, производит впечатление гробница Рафаэля. Виктора-Эммануила – поменьше. Но все-таки спасибо ему, что мраморную громадину он, борясь с Ватиканом, соорудил, а большие квадратные километры древних развалин бережно сохранил. И ведь даже побольше всего настроивший Муссолини оберегал старину...

Поразительна одна бытовая история, связанная с древними развалинами. Перед Колизеем к центру тянутся их большие пространства. Каменные и глиняные холмы и холмики, частично заросшие травой. Ямы и траншеи. Вообще в Риме много таких не застроенных и даже не расчищенных развалин. И вот на тех пред-колизейских холмах заметно много кошек. Лениво неподвижны, греются на солнышке. Их десятки. Все сидят отдельно, нет групп. Я поинтересовался, что все это значит. Оказывается, очень даже значит! Археологи, которые всюду что-то раскапывают, наткнулись на пещеру, полную крыс. Конечно, крысы не захотели жить при народе и при дневном свете, разбежались. И в окрестных домах началась паника: крысы стали штурмовать этажи, прогрызать полы и стены. Посыпались жалобы в мэрию. И что придумал мэр (бывший военный он, что ли?): к крысиным местам прибыли четыре военных грузовика с кошками! В считанные дни и часы крысы исчезли. А кошки остались. Их подкармливают местные жители, и даже, кажется, мэрия выделяет какие-то средства.

А уже пора кончать. Домой. Краткая экскурсия по уютной квартире. Предметы Ивановых. Ценные портреты Серебряного века. Хорошо! Спасибо Шишкиным! Маша отвозит нас с Андреем до метро (Андрей провожает меня до поезда), и я впервые пользуюсь римской подземкой (Вера Бирон и Игорь Князев убежали в Рим за два дня до окончания симпозиума и многое увидели; и купались в море: оказывается, одна линия метро прямо упирается в пляж!).

Поезд ровно в 12 часов, в 13.10 – Неаполь. А далее без проблем: «Идеал», чемодан, обещание вернуться, такси, аэропорт, и далее как положено. До свидания, Италия! Arrivederci! Grazie! Улетал с благодарным, возвышенным, светлым чувством.

2. Моя Италия – 1994

(Страницы из дневника. Приглашен славистами Бергамского университета, дружившими с коллегами из Тартуского университета, принять участие в конференции, посвященной годовщине со дня смерти Ю.М. Лотмана. Вылет самолета из Питера 31 октября в 11.00).

31.X. Все проблемы быстро решились, портфель – в кабину. Посадка в самолет лишь за 20 минут до вылета, но дружно сели, полетели точно. Полупустой самолет. Вшивовато поили-кормили. Начали с напитков, были лишь пиво, фанта, вода. Я – пиво уж, если вина нет. Кормили без горячего, я добавил яйцо, зато налили в термос кофе.

В Австрии небо разгулялось. Альпы. Острые-острые вершины, скалы. Снег. Озера в горах. Красотища. Удачно сели. В Милане лишь паспортный контроль, а далее хотя и стоят шпалеры воинов с овчарками, но без всякого досмотра. Меня ждал человек с плакатом «Egogov». Водитель нанятой машины. 90 км от аэропорта до Бергамо. Через Милан, но минуя центр. + 13°, облачно, тепло.

Бергамо. Поселили в гостинице-общежитии «Casa del Giovane» в нижнем городе, а университет – в верхнем. Надо ехать автобусом 3 или автобусом 1 плюс фуникулер. Карточку на 12 поездок дала Chiara Pesenti, которая немного помогла мне сориентироваться по городу.

Как нарочно: завтра у итальянцев какой-то праздник, поэтому сегодня все банки после обеденного перерыва закрыты. И завтра то же, совсем закрыты. Можно обменять лишь в турагентствах. Там менее выгодно: в банке за франк – 290 лир, в агентстве – 260. Я плюнул: не у коллег же одалживаться. Накрылся, таким образом, на 60 тысяч лир, т.е. на 40 долларов. Обидно. Зато богат: 520 тысяч лир. Пошел в агентство, где работают знакомые Пезенти, они мне составили удачный маршрут Бергамо – Венеция – Болонья – Флоренция – Бергамо. Все билеты в кармане. И всего менее 80 тысяч лир, т.е. долларов 50 за 4 билета. Это дешевле, чем в США.

Номер мой приличный, с персональным туалетом и душем. Но нет холодильника. Как же летом? Странно, что в комодке два ящика полны мужских вещей: брюки, галстук, кроссовки. Письмо на имя какого-то армянина. Упражнения в итальянском языке с русскими названиями столбцов. Газета от 25 октября... Хозяин уехал на время, что ли? Но постельное белье свежее. Решил не возникать, проживу.

1.XI. Уже ноябрь пошел! Ужинал вчера gratis. Рыба с картошкой (ой, плохой! не наша!). Вкусные мучные квадратики с натертым сыром, виноград, булочка. Кофе нет. Предложили четвертинку белого вина или банку пива. Пил вино. А «дома» уже кофе... Наши вилки, не американские.

Синьора Пезенти сказала, что с 7 часов и завтракать могу. Чорта с два! Темно, закрыто. Хорошо, что вчера накупил булок (вкуснейшие! а хлеба нет) и творога.

Мчусь сейчас в сидячем поезде (все вагоны – 2-й класс!), с хорошими «самолетными» креслами. Полупустой. Через каждые 3–4 километра остановка. Колея-то русская, не европейская! Почему?! Но зато почему-то левостороннее движение. Мелькают городки. Ухоженные домики и крохотные участки. 2–3 фруктовых дерева, 2–3 грядочки. И лишь в исключительных случаях участок соток пять. Серое небо, туман. Но тихо, тепло, градусов 10.

В разговорнике о поездах нет нужнейших слов, например, «следующая остановка», но зато половина выражений – об опозданиях. Может быть, так и нужно: наш опоздал в Брешиу, а там на Венецию еще предшествующий поезд, так что я выиграю минут 15. Если Бергамо – Брешиа – полупустой, то второй поезд, Брешиа – Венеция набился к концу битковый, не продохнуть. Все – в Венецию!

Вот я и в Венеции. Если в мертвый сезон такие толпы – что же творится летом? От вокзала пошел пешком к Св. Марку. Улочки есть метр шириной, двоим не разойтись. Дом к дому. Вдоль Большого Канала не пройти, нет даже узенького прохода. Идти надо зигзагами, катетами, а не прямой гипотенузой. Всюду стрелки: Per Rialto, Per S.Marco. Сплошь канальчики и мосты (есть каналы тоже чуть шире метра!). Полно лодок. И, конечно, ни одного автомобиля! Как хорошо! Риалято скучен своими лавками, сотня их. А площадь Св. Марка – мощь! И всюду барельеф «нашего» льва-грифона. Вот ведь Соня когда наметила Венецию! Почти полвека! И, значит, правильно: «*evangelista meus*», не в звательном падеже. <В 1949 г. С.А. Николаева подарила мне, тогда своему жениху, купленную у антиквара бронзовую статуэтку крылатого льва, держащего раскрытой книгу, где выгравировано: PAX TIBI MARCE EVANGELISTA MEUS (т.е. «Мир тебе, Марк, мой евангелист»); эта надпись на венецианском символе смутила меня: казалось, что последние два слова должны быть не в именительном, а в звательном падеже, как выше имя Св. Марка; статуэтка является самой дорогой нашей семейной реликвией>.

Походил по площади, посидел на берегу. Пьянит воздух. Уйма русских, девицы – откуда? Глаза рябит от золота и стекла. Кружева. Но все очень дорого. Не выдержал, купил у одного единственного продавца альбомчик «Венеция» на русском. Вот ведь! Много выставок. Дали, Шагал, кружева из Словении. Я никуда не пошел, лишь осмотрел собор Св. Марка и отгрохал 10 тысяч лир за билет во Дворец дождей. Стоит! Все прежние дворцы бледнеют перед богатством классики. Росписи: десятки картин Веронезе и Тинторетто. Впрочем, эти художники – не моего романа. Самое сильное впечатление: зал Большого совета (кажется, даже в Эрмитаже нет такой громадины) и мост вздохов (*de sospirì*) – за ним тюрьма с решетками камер, прутья – почти с руку толщиной, никогда таких не видал. Стоило, стоило посмотреть Дворец дождей.

А обратно, ибо устал, поехал теплоходиком вдоль всего Гран-канала. Старые и запущенные дворцы. Половина пустых. Когда стемнело, уже от вокзала посмотрел вдоль канала: темень! Почти нет огней. А есть красивые, ухоженные дворцы. Цветы. Похоже, у большинства дворцов двери на канал уже не рабочие, есть, наверное, где-то сзади выход. Но всюду вбитые в дно

слеги и бревна – для привязки лодок. Полно гондольеров. Катают парочки или несколько пассажиров. Один пел. Но я бы не хотел – это как-то вроде кататься на рикше, неудобно. Любопытно: у гондольера уключина лишь с одной стороны, он ловко веслом назад-вперед, и лодка несется прямо.

Стемнело, вернулся на вокзал в начале шестого, почти за два часа. Вдруг: поезд на Болонью! Вскочил. Оказался 500-веселый, не скорый. Бог с ним, чем на вокзале, лучше ехать. Было пусто – но вдруг орава школьников заполонила поезд. Шумище! Слава Богу, на одну остановку.

А поезд тащился 3½ часа вместо двух – и прибыл всего на полчаса раньше, чем должный. Но чем сидеть в светлом вокзале (если сидеть? я что-то не видел там зала ожидания), лучше находиться в пустом, светлом, уютном поезде. Антонелла <бывшая студентка-русистка, я ей помогал книгами и статьями; попросил приютить меня на ночь в ее родной Болонье>, которая уже была на том, 13 перроне, куда прибудет «мой» поезд, была страшно удивлена... Дом ее – окраина. Собирали подписи, чтобы переименовать Via Lenin, но мэрию Болоньи с 1945 возглавляют коммунисты, поэтому ни-ни! Есть еще и Сталина!

Мама А. – пенсионерка, но лет на 10 моложе нас. А. в диком восторге, что уважаемого профессора приютила дома! Трогательно: суп, овощи, сыр, кофе... Спал как убитый. И поэтому браво проснулся в начале седьмого. Накормили меня – и еще в дорогу дали.

А. меня еще и по центру поводила. Потом убежала: зуб лечить и бумаги заверять (конкурс), а она сегодня хочет еще и в Бергамо приехать.

Центр – средневековый. Замечательно. Собор, площадь, памятник Нептуну. Старинное здание университета. Две башни. Одна – около 100 метров, другая чуть меньше; как Пизанская – наклон. От центра до вокзала километра полтора пешком. Сплошные аркады – и в солнце, и в дождь можно дойти до вокзала закрытым. Есть вывески магазинов: «H. Rubinstein», «David Wernicoff». Памятник Гарибальди – на коне. Очень выразительный памятник 1848 году: до пояса голый мужчина со знаменем, почти одним древком с лохмотьями. А рядом с ним – опрокинутый убитый и полколеса. Сильно.

Спешил – а поезд опоздал. Толпы, стоят в проходе (я, слава Богу, успел вскочить первый и занять место). 15 минут. Не бог весть какое опоздание, но противно. Леса, горы, тоннели. Прибыли, подогнав, всего 5 минут опоздали.

Пишу уже «после» Флоренции, жду поезда в Милан. Ну и денек! Теперь уже не те мы, чтобы день целый бегать. С 11 утра до 4, т.е. 5 часов – и выжат, как лимон. Ноги не ходят, и спать охота.

Конечно, во Флоренции и половины не увидел, что задумывал. И все же... Общее впечатление – не менее сильное, чем Венеция. Вся центральная Флоренция – совершенно средневековая. И уж, конечно, григорьевская. Но, Господи, машин!.. Не Венеция, все забито. И даже по 2–3-метровым улицам не только машины, но и рейсовые автобусы. Полным-полно мопедов и мотоциклов. Все это мешает.

Прежде всего я – в Питти. Мурильо. Ждал большего. Рафаэль глубже. Купил, ой, книжку о Питти. Мадонна Мурильо – во всю большую страницу. Потом – Уфицци. Ой-ой: Питти свободно, а в Уфицци очередь похлеще Эрмитажа – несколько сот человек! Хотя билеты и туда, и туда 12 тысяч. Не знаю, в чем дело. Ни при какой погоде не буду стоять, даже если это всего на полча-

са. Обойдусь без Уфицци. Старый дворец, Корсо, ул. Гибеллини. Улица Данте! Церковь, где Данте встретил Беатриче... Дом Данте... Пожалуй, это посильнее Венеции... Наконец, театр Перголе и Собор... Выжат, на вокзал.

А с поездом Бог наказал – не говори, что не буду стоять полчаса: поезд проходящий, оказался битковый, и я почти час стоял в проходе с молодежью – до Болоньи, где разрядка. Ну и ну, даже в России я такого не видывал в дальних поездах. Мы ехали Адлер – Гудауты в полном, но чуть полегче! А тут еще после того, как ноги отказывали. Но человек все вынесет...

Душно ехал, полно, да и курящий вагон (в некурящем еще хуже!) – но все же перед Болоньей сел. А ведь всего-то одна остановка – Болонья, на добрых 300 км. Вот это да.

Антонелла подсказала мне, что в Милане с вокзала на вокзал (в Бергамо ехать с «Milano Lambrate») лучше всего на метро. Хорошо, когда метро! 1300 лир – и всего 4 остановки. 10 минут (а у меня всего-то было полчаса на переезд). Сижу в последнем поезде, в Бергамо. Отдых: вагон полупустой, чистый воздух. Ура!

Вспоминаю эти дни. Рассказ Антонеллы, откуда в Болонье аркады: якобы студенты средневековья, живя на 2, 3 этажах, пристраивали для расширения каморочки. Ой ли? Это можно над рекой – но если вниз идет подпорка, колонна, так все равно землю расширяли, и нужно было платить. Нет, все же это от ритма, от архитектуры; то ли от солнца, то ли от желания заманивать народ в лавки (а, может быть, и то, и другое).

Удивительно чистый, ухоженный туалет в живопырочном поездушке Милан-Бергамо. А в скором интеритальянском – жуткая грязь, засоренный умывальник, нет туалетной бумаги... В тамбуре сейчас изучал карту Италии. Апеннины как раз от Болоньи на юг, поэтому такой путь во Флоренцию – сплошь туннели. От Болоньи на север треугольником – до Милана и Венеции – равнина, а далее на север опять горы, уже Альпы.

Милан встретил меня морозящим дождиком. Слава Богу – все двое суток я пропутешествовал без капли: как это важно в дороге!

Какое радостное чувство «дома», в своем номере! Опять – как убитый. Начало конференции: на автобусной остановке стоят Люба, Анн, Игорь, Лена Погосян. Миша застрял в номере, потом уже прибыл к началу конференции. Это и весь тартуский комплект – их тоже за казенный счет! Уйма знакомых: Б.А. Успенский из Неаполя (получил там кафедру), Маша Плюханова из Рима, англичане; из американцев Александров из Йела – вот кто отправит Тане письмо! – Жорж Нива на своей машине из Женевы (4 часа!), Ежи Фарыно, Ковач из Будапешта, Йенсен из Стокгольма...

Неплохая кафедра в Бергамо. Поражает старушка Нина Каухчишвили. Оказывается, она живет в Милане (еще от отца – собственность, квартира в 12 комнат с музейной мебелью) и каждый раз катается в поезде – это 50 минут езды! Да еще от вокзалов... Машину ей теперь уже нельзя водить.

Доклады до обеда под эгидой Бориса Андреевича: Люба, Игорь, я. Говорил о письмах Ю.М.: владельцы всех стран, соединяйтесь. Б.А. потом говорил, что у него тоже штук 200. Кофейный перерыв. Потом Вл. Александров и чтение доклада Пайман. Обед в ресторане «Sole» рядом. Вместо супа и салата – рисовая каша! Потом телятина с картошкой, фрукты, кофе.

После обеда: Б.А. о Державине, Маша Плюханова об Ю.М. – исследователе древнерусской литературы и XVIII в. (интересны оба).

4.XI. Сижу, председательствую. Доклад Н. Каухчишвили на итальянском. Вчера нам устроили дико пышный ужин. Еле встали. Вина, перемены блюд. Фантастически вкусный лосось... Прилагаю меню.

<В дневник вклеено меню ужина, где все – невиданное для гостей, например, аперитив Kir royal (это смесь белого вина с черносмородинным ликером), все блюда обвеяны легкой иронией: Mister Turkey al forno (Мистер Индюк из печи) или Timballo di carciofi (Литавры артишоков)>.

Какие деньги! Нина из своих, что ли?! Неужели университет такие безумные деньги дает?!

Утром ехал в университет с Анн. Возвраты собственности. Анн – владелица хуторов в 75 гектар! На юге Эстонии. Звала на лето в гости. В Таллинне многие роскошные дома в центре получили родственники эстонских евреев (США, Израиль). Кризис эстонского сельского хозяйства: русская таможня ввела громадную пошлину – в отместку за территориальные притязания Эстонии. Иногда делают на таможне «скидку» – и тогда склады масла очищаются в Эстонии. Но общий кризис: закрылся в Выру большой комбинат сыра. Под угрозой кондитерский «Калев». Анн надеется, что потом утрясутся экономические связи с Россией.

В Таллинне грандиозные очереди в финское посольство: финны препятствуют массовому въезду эстонцев. А эстонцы стали ненавидеть толпы финнов, купающих в Эстонии за бесценное мясо и другие товары – и взвинчивающих цены... (Ежи Фарыно и Ковач проехали через пол-Европы – и всюду без виз! Западная Европа уже пускает венгров и поляков без виз...).

Сегодня первый раз завтракал в баре нашей гостиницы: оказывается, бар работает с 7.00! Он в таком закуточке, что его и не видать! Завтрак вшивенький: кофе, стакан сока, круассан. Но все-таки хоть шерсти клок! Тем более, мы браво сыты после вчерашнего ужина.

Вчера почти целый день сыпал дождь. Промокли, даже под зонтиком. Сегодня сухо.

Осмотрел собор, Duomo, а главное – церковь Санта-Мариа-Маджоре. Из всех сегодняшних докладов самый интересный – Ж. Нива, о будущем (считает, что в России даже при «мечте» нет будущего, оно размыто). Любопытно, что Нива в духе протестантизма все время – об экономических аспектах временных категорий.

Вчера Люба предложила мне несколько лекций – воспоминания о Тартуском университете. Скажем, 28 февраля и далее. Чтобы компенсировать дорогу. Я согласился в принципе.

Очень вкусный обед. Но опять без супа. Вермишель с кетчупом, рыба (отварная осетрина) с жареным картофелем, торт, кофе.

Потом в банк, получение 100 тысяч лир: подарок университета. Поменял на немецкие марки, им так удобнее, долларов лишь сотенные купюры. Прогневил я Господа Бога: льет дождяра похлеще вчерашнего. Приехал Игорь Смирнов.

Интересные рассказы Вл.Е. Александрова: русские в начале XIX в. чуть ли не захватили один остров на Гавайях. Потом: если бы не продали Аляску, то в Гражданскую войну ее могли сохранить белогвардейцы: русский Тайвань!

<В дневник вклеена программа музыкального концерта (4-го в 21.00, в зале «A. Piatti») специально для участников конференции: только русские композиторы. Основные исполнители – два пианиста: Daniele e Davide Trivella, они в четыре руки играли отрывки из «Петрушки» Стравинского и концертно Шостаковича, и потом много произведений других композиторов (между прочим, раннего Пастернака); певица – Ae Kyoung Kim. На программе – краткая запись впечатлений>.

Концерт – средне. Мальчики лучше всего исполнили Стравинского и Шостаковича, они, конечно же, XX-вечники. А толстая кореянка, которая, оказывается, постоянно живет в Бергамо, – не дотягивает, ей нужно еще учиться и учиться (а, может быть, уже и нечего?). «Соловья» алябьевского она с величайшим трудом исполнила, уж лучше бы дали ей что-то полегче. Но народ ее принимал браво. Под конец ее несколько раз вызывали – и она исполнила арию из Доницетти (Доницетти – герой Бергамо: здесь родился, здесь его дом сохранился, здесь его могила – в церкви Санта-Мариа-Маджоре; здесь театр и консерватория его имени).

Не первый раз я слушал вальсы Грибоедова: какое поразительное предвещье Шопена! Милые вещи Огарева. Пастернака впервые слышу – беспомощное, особенно рядом со Скрябиным; правильно сделал, что ушел от композиторства: был какой-нибудь 10-степенный.

5.XI. Последний день конференции. Я с утра прогулялся: пошел в Академию Каррара, главную картинную галерею Бергамо. И потом долго матерился. Оказывается, до декабря на ремонте вся лучшая половина залов, где их классики, от Фра Беато до Рафаэля!! Что бы говорить внизу! Нет, они заинтересованы лупить с посетителей 1300 лир. Бегло взглянув на Каналетто и Рубенса, я ушел, купив на прощанье единственную репродукцию Фра Беато за 1500 лир. Не везет мне на Фра Беато!

Потом на конференции: любопытный классик их теории проф. Сегре из Падуи. Кажется, еврей.

Круглый стол в 15 часов. К 17 часам все кончилось. Тартуанцы еще отправились гулять и пировать (Нина их подбивает на свидание в кафе), синьора Пезенти организует еще и ужин в 21 час в пиццерии, но я отказался: как раз сейчас 21 час, а я уже клюю носом. Отосплюсь за все дни. Утром сегодня я прежде всего – в магазин: хлеб, масло, молоко, творог, плавленные сырки... Насладился я родной едой, соскучился... Даже южных фруктов не очень хочется, а именно молочного. Надоели кетчупы и пиццы с перцем.

Еще лингвистические наблюдения. Strano – странный; straniere – иностранец. Как близко к нашему! Еще любопытно: estate – лето, est – восток, estero – иностранный, заграница.

Как варварски расписывают фломастером сидения и стены в вагонах поезда, и как режут бритвами сидения! Сволочи.

Еще лингвистика. Когда я всюду на перронах видел у переходных дорожек через пути: «Vietato attraversare l. binari», то я это понимал, как обознача-

ние дорожки к станции (via ведь дорога); a binari, я освоил быстро, это номер пути. Как легко ошибиться: vietato, оказывается, – *запрещено!*

Одно из неприятных ощущений – совместные туалеты. Лишь чуть выше человеческого роста – перегородка между кабинками. Невыносимо. Наверное, итальянцы привыкли: ведь рядом, несколько ступенек – и другой туалет. Но и тот, и другой – совместные!!

Интересно обилие диалектов (не действуют, что ли, радио и TV?). В Бергамо «R» почти не звучит, оно похоже на польское Ś: и не эс, и не ша, и не ща – среднее, но уж никак не R! Говорят, что еще где-то на севере ка произносится как ха: casa → хаза.

Поразили рассказы Любы: оказывается, Анн не может пережить, что бывшая девчонка, младшая лаборантка при «старшей» Анн – вдруг зав. кафедрой! Непрерывные палки в колеса, ворчания, самоуправные перемены дат заседаний и т.д.

Интересны еще рассказы Жоржа Нива. В редколлегии 7-томной французской громадины «История русской литературы» раскол: Эткинд и Серман против привлечения Витторио Страдой «православных» молодых москвичей для написания глав о славянофилах, и т.п.

Собчак, оказывается, почти бесплатно подарил Ефиму 2-комнатную квартиру на Старо-Невском, как бы в компенсацию его страданий.

Рассказы Н. Каухчишвили (с легкой иронией) о Б.А. Успенском: заработал деньги в Америке (так ли?) – и купил квартиру в Риме. Хочет туда переселить всю семью, вплоть до сыновей. Б.А. совсем не знает итальянского языка, коллеги по Неаполитанскому университету недовольны этим, и, видимо, хотят его прищучить: пока он читает на 3 и 4 курсах, а на следующий год ему хотят дать 1 и 2, где уже надо по-итальянски.

6.XI. С утра колебался: может быть, не стоит в Милан? Ибо был дождяра – и потом сутки, с вечера 5-го не прекратился. Но жалел бы я, да и в целом-то стоило Милан одним глазком посмотреть – но уж больно много оказалось досадного. (Зажирел я нравственно: весь комплекс досад яйца выеденного не стоит: вернее, учитывая Сонино толчение скорлупы в ступе – скорлупа выеденного яйца значительно больше стоит, чем все сегодняшние досады).

Позавтракал – и казенно, и еще добавил творожку дома, поехал на заранее намеченном поезде 9.17 (на Милан-Ламбрата прибывает 10.06, на Гарибальди – 10.16). Мне посоветовали коллеги ехать до Гарибальди, ближе к центру. Глупо. Идет одна линия метро – и пока поезд подходил бы к Гарибальди, я на метро вылез бы уже у Собора. Ну да ладно. Мелкий дореволюционный план Милана моим глазам без очков не под силу (как часто охал, что забыл очки!), пользовался крупными картами-стендами на станциях метро. На Гарибальди планов нет, посоветовали вежливо – в главную i, у Собора. Поехал. Да, получил (что приятно в Италии – всюду бесплатные карты-планы городов). Прежде всего спросил, где монастырь Santa Maria della Grazia – там «Тайная вечеря» Леонардо. Увы, трапезная на ремонте.

С горя пошел в Собор. Грандиозный. Витражи. Пение хора и орган. Народу, туристов. Полно японцев. Как-то немного успокоился.

Пошел – близко – в знаменитую картинную галерею Амброзиану. 50 тысяч чертей – и она на ремонте!! Пошел в картинную галерею Брера – торопил-

ся, так как мне к часу – к Н.М. Каухчишвили, да и рано закрываются галереи в воскресенье. Точно – закрывается в 12.45, у меня еще было 45 минут, но потом бы гнать к Н.М., предпочел осмотреть книги и открытки (которые по 500 лир, а входной билет – 8000), купил Рафаэля и Леонардо...

Очень устал, завтра допишу.

7.XI. День-то какой был. Главное – сегодня мамин день. Помню. Последние мои приготовления. Позавтракал последний раз за казенный счет, погулял по внутреннему дворику. Господи, какая тишина и красотища! Пятиугольник внутренних аркад обрамляет садик, очень ухоженный.

Продолжу вчерашнее. Отправился на метро, со станции «Moscova» к Н.М. Ну и филологиня! Так нарисовала планчик, что я полчаса мучился (вкратце сказать, она в зеркальном отображении показала путь! главное, улочка ее – крошечная, никто не знал), весь промок, опоздал на 20 минут.

Обед: паста (т.е. наша лапша – почему-то зеленые лапшинки), индюшатина с фасолью, очень кислая (лимоном, что ли, политая?), потом домашний пирог – чуть теста, сверху белое, вроде бланманже – тоже очень кислое. Чашка кофе.

Потом показала мне свою громадную квартиру, где живет с невесткой (жена брата) и ее сыном. Какие-то антикварные вещи от невесткиного деда – видно, давняя итальянская интеллигенция. Очень остроумно сделана крутая витая лестница (квартира на двух этажах). Ступеньки не общие, в ширину, призмы-параллелепипеды, а разрезанные пополам – как бы получается два кубика, и правый кубик приподнят над левым на полступеньки, да еще чуть сдвинут вглубь, так что лестница из кубов, без больших интервалов поднимающих человека наверх (ну, и вниз тоже легче!).

За столом были: невестка, ее приятельница, гостя из Таллинна, грузинка, выросшая в Париже, разговор – на французском языке; легче!

Да, не сказал, что перед кофе с тортом была дегустация итальянских сыров: Garganzola (вроде рокфора, но нежнее), пармезан, Tobeggio, Frantini. Все – высший класс. Я после этого купил швейцарского кусочек – домой.

Почти рядом с Н.М. – базилика Sant-Ambrogio, пошел туда (я быстро распрощался – и меня не удерживали, слава Богу!). И вдруг перед базиликой – старая крепостная башня, где музей инквизиции! Небось тут и воскресенье не действует: открыто до 19 часов! А мне туалет уже нужен. Ладно, пойду. Слупили 10 тысяч за билет – а туалета-то нет у них! Собаки! Экспонаты, конечно, жуткие, но что поразило меня больше всего – посетители с детьми школьного и даже дошкольного возраста. Какое-то безумие.

Вышел из музея, отплеываясь. Вижу: вокруг башни – сухой ров метров пять глубиной. Есть ступеньки, внизу – кустики. Хоть этим утешился... А далее – эстетическая и историческая радость от аркад базилики: IV век!! (Кстати – какие же студенты в IV веке?! Конечно, архитектурные нормы уже были).

Далее прогулялся все же – близко – до монастыря, где «Тайная вечеря». Внутри можно бродить. Киоск. Открытки. Купил Тане крестик. Все очень-очень дешево.

Потом – замок Сфорца. Грандиозный. И вширь, и в высоту. Реально – для обороны. И что удивительно: работает в воскресенье до 17 часов, и вход свободный. И туалет бесплатный. Вообще, в Милане уйма музеев и выставок.

И здесь, в замке, – чуть ли не десять музеев сразу. Я далеко не все обошел, уже близилось к пяти.

Поехал на вокзал Гарибальди, где я еще утром посмотрел: в Бергамо приблизительно с интервалом 40–60 минут идут поезда. Федот, да не тот! Я не разглядел маленьких примечаний: «Lavorativo» (т.е. по рабочим дням) и у некоторых еще более мелких, что по субботам и праздникам не ходят. Синьора Пезенти мне дала расписание с Гарибальди в Бергамо в 18.00 и 19.30. Оказалось, что в 18 есть другие поезда. Я тогда скорее метро в Ламбрата – ведь некоторые поезда только оттуда. 50 тысяч чертей! Я приехал в Ламбрата в 18.05 – а оказывается тот, в 18 – не из Гарибальди, а из Ламбрата!! Я 10 раз успел бы на него. А так пришлось ждать того, другого, он в Ламбрата – 19.40. Почти 2 часа потерял! Обидно.

И последняя мура. Маленький зальчик в Ламбрата. Какой-то пьяный все приставал с разговорами, я молчал, он стал грубить (отшвырнул мой плащ). Ох, как чесались руки – в морду. Но заковал себя: ведь если драка и полиция – могли до утра продержаться без переводчика – а мне, увы, нельзя. Пришлось уходить без сдачи. Долго кулаки сжимались...

Сегодня роскошная погода – никакого дождя! Простился с Бергамо, шофер за час домчал меня до дальнего аэропорта – Malpensa. Утром + 11°, вчера вечером + 15. В Питере, говорят, уже минусы.

Летим.